

екатерина боярских

Поэтическая библиотека

Серия основана в 1993 году

екатерина боярских

женщина из кимея

Стихотворения

Москва 2009

УДК 821.161.1-1
ББК 84Р7-5
Б72

Оформление — Юрий Васильков

Б72 **Боярских Е. Г.**
Женщина из Кимея. — М.: Время, 2009. — 128 с.

ISBN 978-5-9691-0489-

Аннотация

ББК 84Р7-5

ЖЕНЩИНА ИЗ КИМЕЯ

ISBN 978-5-9691-0489-

© Екатерина Боярских, 2009
© «Время», 2009

...местечко это называлось Кимей. Там жила женщина, старая рыбачка, никакая не ведьма и совсем ничемуне обученная; но она придумывала песни. Так Огион и узнал о ней. Он бродил, как обычно, вдоль северо-западного побережья и услышал чьё-то пение – так поют, когда чинят сети. Вот что пели эти люди:

*Farther west than west beyond the land
my people are dancing on the other wind.
(Дальше запада, там, где им воздух как пламя,
на краю земном, на ветру ином кружится моё племя.)*

Огион никогда раньше не слышал этой песни и потому спросил, откуда она. Ему отвечали разное, и наконец кто-то сказал: «Так ведь это песня той женщины из Кимея...» Огион отправился прямо в Кимей, городок на берегу моря. Он отыскал её дом внизу, у гавани, и постучал. Какая-то старуха открыла дверь и вышла на порог.

Урсула Ле Гуин. Техану

ВЕТЕР

ШРАМ

Где начинаю — шрам, ожог,
безвестно жив, неизвестно цел,
но разомкни меня, как замок,
упрости меня, как прицел.
Где начинаю — распад, рассвет,
в облике оборотня я гость,
в облаке облика свет спет,
пуст и прожжён насквозь.
Вверх полнолунная колея,
невидима и умна,
вниз полоумная полынья,
а я не та, я не там, никта —
я след от зубов огня.
Собачий бег по следам огня,
горячий пар над моей рукой,
вина на том, кто утратил жар,
беда на том, кто утратил жар.
Я вижу двери за темнотой.
Я вижу горе, и птичий свет,
и племя нерпы, и сон совы,
я вижу горы, которых нет,
мужчин и женщин — они мертвы,
а с ними дети, которым жить.
Я вижу сердце, оно дрожит.
Я вышел в имя из тьмы лесов,
я выполз в имя из тьмы болот,
меня от каждого слова рвёт,
а тут всё в золоте соловьёв —
в этом золоте есть любовь,

добра, как смерть, и черна, как мать,
ну, веселись, выходи из слов,
никто не должен их понимать.
Ну, веселись, умоляй, зови,
как раненый ждёт своих,
не оторвать от любви меня, от меня любви,
не разделить их,
коричневый шрам от руки огня
от моей руки не отнять.

Пока ты здесь, сотвори коня, отвори пути,
пока я здесь, пожелай меня,
пожелай, чтоб нас было не найти.
И пусть ты сын его, а я вор,
ты дом его, а я двор,
ты кровь его, а я сор,
но ты прав — и я прав,
ты шрам — и я шрам,
теперь кусай меня, убивай... свети.

Из солёных слов слёз и из слёз слов,
из разума моря и рек умов
веди меня, уходи.

***

Я бежала с радости, как из пропасти,
вон из праздника, до зари,
по ступенькам прыгала, как копеечка,
урони-умри, урони-умри.

Сдери обои — там старый голубь
в извёстке, в перьях жёлтых газет,
задери голову — люди голые
так высоко летают во сне.
Слепой несёт то ли горсть земли,
то ли грусть земли,
слепой и сам растёт из земли,
как то дерево — что за дерево?
Горю горево, морю морево,
а дерево живёт во все стороны,
может казаться вороном, может городом,
но мы по-прежнему видим корни.
Дерево горит, а мы молоды.

Посветлу
мы ходили здесь, аки посуху,
подстилали сказками, досками,
а настала ночь — утопаем, Господи, пятимся,
море гарево, горе марево,
спотыкаемся над подсказками,
а до сих пор помнится —
дерево поёт, что мы молоды.

ГОЛУБИ

День голубиный; острый и тонкий скрежет
ждёт меня за окном, сторожит и кружит.
Это совсем снаружи, а изнутри-снаружи иначе:
тут, за закрытым окном, в холоде одиночи,

КАК ЗОЛА

Олегу Панфилу

как зола в печи — *как огонь в ночи*
лежит пустая вода — *лесная вода*
полоса земли — *голоса земли*
вдали — *нигде-никогда*

узнаёт меня — *идёт к руке*
река — *моя ручная река*
далеко — *легко*
налегке — *легке*
острова — *облака*

как зола из рук — *земля из-под ног*
острова — *ни следа*
высоко горит — *далеко летит*
пустая вода — *стая-вода*

совершает круг
над проклятьем дна — *над проклятьем дня*
как зола из рук — *пора из рук*
как зола — *пора*
как зола

налегке — *нелегко*
далеко — *на руках*
далеко бежать — *ближе облака*

загляни в меня — *смотри на меня*
говорит вода — *говорит она*
золотым ковшом — *золотым венцом*
набирает тьму — *достаёт до дна*
выбирает тьму — *выбирает тьма*
выбирает тьма — *выбирает тьму*
уступает путь — *наступает тьма*
сердцу моему — *сердцу моему*
выгорает ночь — *ночь*
прогорает речь

ВЕТЕР

По гребню ветер: ветренная тоска,
сад промежутков, ветви рождений сходятся над землёй.
Там, где потоки и перерывы, чёрные рукава,
подвиги и просторы снега над головой.
Бог его знает, чем-то он жив, держится ни на чём.
Чёрные рукава сводят меня с ума,
плещутся в небе, хлопают о плечо.
Бог его знает, кто его движет, чем он глядит из бегущей
тьмы.

Бог его, кто его говорит. Не мы.

В небе контур железной птицы без сердца, без оперенья.
Я всё гляжу в неё сквозь остановку зренья.
Там, впереди, я вижу её птенцов,
вырваны из груди, летают двое в двойном кругу.

Вечная оторопь близнецов:
я раб брату своему, врач своему врагу.
Их голоса раздирают надземный сад:
я дар дару твоему, аду твоему ад.

Тоска и ветер, дикий костёр живых,
холодный, смертный, пламенный без огня.
Бог его знает как, но он жив,
жив, и другого несть.
Скоро я отступлю под защиту дня,
но пока я вестник невесть кого для кого невесть.
Пока я вестник, весть моя неизвесть.
Ветер её нёс, она не из уст. Мы пропали на полдороге.
Я куски вестника: руки его и ноги,
а также часть сапога.
Мне нигде не найдётся места,
я от вестника оторванная юродивая нога,
прискакала весёлая, страшная, как невеста:
закопайте меня в снега!
Могилы памяти неизвестна.
Я говорю, сила памяти неизвестна!
Закопайте меня в снега!

— Весь день снег, снег, спрятаться не с кем, —
слепая курица чертит на полубумажке.
Что я говорю — всё к чертям, неважно,
вы слушайте, что само говорится!
Слушайте, что за спиной творится — вот это страшно.
Слышите, что там за рай роится?
Вылетит в темноту без век,
чёртова комната озарится — а меня нет.

Голые стены, розетка, чайник,
хоть включайте, хоть выключайте,
не отлучайме не отлучай ме-ня.

Чёрные листья — кто это? что они говорят?
Ребёнок кашляет, задыхается, всё подряд.
Один, один на бесцветном свете,
один, один в безответном море,
один на вольной воде потопа,
он голосит «спасите» — не погасить.
Душа говорит — за ней не повторить.

***

за стеной стена, за стеной весна за весной стоят
стеной,
за стеной весны стенает живое,
нет к нему никакого моста,
нет на нём ни живого, ни неживого места,
не растёт на нём ни жилья;
не в уме болезнь моя, не от ума эти терема в темени,
не от ума и не от матери, но и не обман;
не в уме болезнь, а в луне, в трубе,
а в траве болезнь, а в тебе —
далеко болит, разве нет?

за стеной стена, за стеной спина, за спиной сосед —
эй, зверолов, за ушами шум-шулавей трещит,
за ушами зей-зелевей, сотни зверей
пожирают жар, рай разума моего,

шил-шилавец, жил-желовек жив, из жил сшит,
жил-жил, да и сам стал сжит, спился, как чай, спит он,
спит,
далеко болит самодельная, самопальная колыбельная
рассыпальная:
— я хочу быть я около тебя,
я хочу быть ты около меня —
я хочу схватить тебя за руки,
я хочу убить себя заживо и родить заново,
а убить за себя некого, а убить за некого нечего,
а себя не за кого;
разве веничком только вычеркнуть, на полу на мусоре
вычертить
-нечело-вечело-ничегочеловечего — и сразу вынести;
за стеной стена, за весна-весной рагуда-гуда,
родуга-руда,
тогда ты, руда, не кань,
выбросить меня, рвань — раскидать,
я и слов не могу нишить, ни связать,
я и двух связать не могу в одно,
ни в реке пойти сторожить на дно, —
стой, этого тут и в помине не было —
я ничего не видели, я невидимо;
только боле горькое булькает,
только двери звенькают,
я при дверях решаю, кого впустить,
а они решают меня;
за стеной стена, в голове стена за стеной волной катит,
а я не знаю —

когда из шарика мозгового выйдет молния шаровая,
скажу я «хватит» или «не хватит»?
когда рука отсохнет, нога отстанет,
глаз повернёт назад, а язык наружу,
сердце пойдёт вспять и голова спятит —
то это «хватит» или «не хватит»?

ты не останавливай меня, я и сам стою на том
месте, куда иду, а иду я в дом,
не во брёвнах, а в рёбрах он, там тьма — там, где и куда
мир-миравей падает и ползёт;
у меня есть всё: и вход во вдох, и выход во вред,
только я иду в тот дом, я тону в тот свет,
куда у меня брода нет;
ты не торопи, ты перетерпи меня, я иду домой,
за стеной стена, за стеной стена за стеной,
не в уме болезнь, за стеной она на окне,
не в уме у меня змей, да я и сам не в уме,
а по ночам страшно или не страшно,
длится или уже не длится;
как говорится, так и родится в рубашке,
как говорится, так и простится.

СЁСТРЫ МАГДАЛЕНА

Сёстры Магдалены двигаются во сне.
Среда. В среду приходят демоны ожиданий.
Располагаются сразу за лобной костью,
грызут мозговую косточку, требуют дани.

Время настало, в камне тусклые
трещины — этот камень прощается.
Слова настолько узкие,
что там навсегда помещаются.
Сёстры, время настало, мы стали настолько острые —
стало опасно нас направлять.

Сёстры стоят на мосту, смотрят в бегущую пустоту.
Скоро убудут в мир забываться и пустовать,
станут русалками и осколками в невразумительных
камышах,
станут старыми — больше незачем себя сдерживать,
нечем поддерживать, нечем и продолжать.

Тёмная полоса руки, пелена руки. Тёмная сторона руки.
В камне трещины, сонеты и вилланелы
разбегаются по ним от удара.
Девочка из Сестёр Магдалены
в тёмной комнате заработала себе на булавки каторгой
и могилой,
матерью, бабой-ягой и милой,
а братьев не было у неё,
и тела не было — вместо тела было тряпьё, и не было
ни души.

Утро приходит, и люди гаснут, когда ломают карандаши.
Что дробится, должно исчезнуть. У меня во сне
выпали зубы, лежат на полу ладони, на полуладони
лежат во сне.

Выпал временный снег.
Ум, как снег, почернел и тает,

а мне не хватит и уже не хватает,
и не звучит ничего нежнее, чем проклиною,
и ничего сильнее, чем я ничего не знаю.

Солнце всходит — люди уже не светят,
приходит ветер, ой ветер,
у него забота — начинать снова,
разъесть дожива, убирать, что замертво доживает,
ветер, ой ветер, больно, с меня срывает
поочередно — мёртвую хватку пешки,
костюм монашки —
такие тряпки болят больней, чем любая жалость —
кожу любимой, голову нелюбимой...
Ни я, ни ветер не можем остановиться.
Ни я, ни ветер не можем не приближаться.
Только и остаётся, что не держаться.

Сёстры Магдалены режут во сне.
Как бы дойти туда, где надо молчать
и не выдумывать, чтобы не исчерпать,
как бы дойти дотуда, где в центре ровно горящей ярости
будет моя радость,
в центре тяжести будет моя тяжесть,
где мой гнев один посреди безличного гнева,
свет среди безличного света,
где они, как два сына, прекращают бой и без страха
по пояс уходят в землю,
где моё спасенье спасётся от этого говорящего бремени
и можно будет просто знать — где какой знак, где какой
ужас, где какой человек.

Сёстры Магдалены идут во сне.
Дорога рвётся, где тонко, сходится, где порвалось.

Приходит утро, и люди гаснут, а я лечу в половине ночи,
ещё бегу в сердцевине ночи,
которая знать обо мне ничего не хочет и не узнает.
А я лежу в половине ночи, накрыта заживо одеялом
второй её половины,
моя защита защита широким кверху,
она с овчинку, все швы наружу, как будто сшито иглой
без нитки,

считаю звёзды, хочу узнать своё имя —
почему я должна заниматься такой тоской? —
потому что это урок такой,
ждать у моря погоды, мотаться кусочком пены,
когда каждая волна — сестра Магдалены,
каждая война, ждущая за стеной,
не говорящая вне меня, не говорящая и со мной,
мертвотворящая чудеса.
Мы не родимся сёстрами, а умираем в сёстры,
каждая война волна, каждая волна война,
а мы отстрелялись.

Неподвижна, а всё жива,
как будто так и положено лежать в кружевах,
забыть о своей пропаже.
Купить интернет-карту. Сварить кашу.
Глина, галька, мокрый песок, белый мрамор.

В камне потрескался рот, в храме дождя ему дали пить.
А женщины прекратились.

Протянулись в леса, опустились в горы.
Женщины отвернулись, вернулись сёстры.
В высоком доме играли в дождь, на ладошке
катали капли, падали в землю.
Утро приходит, а мы ушли. Никого не осталось.

ТРЕЩИНЫ

Они одержимы трещинами на лужах,
там внутри то, что давно снаружи:
снег — лёд — потёмки, потом вода,
вот оно: дно — земля — глубина —
вот она, самая середина земли.

Ходит время для путешествий, уходит время
для путешествий,
путник в оранжевой куртке, лицо всё ближе —
и раскололось.
Улица одиноко движется в несоседство, дальше
от непохожих.

Они одержимы трещинами на коже,
поздно они заглянули в детство:
вот раскрываются кровь и кости —
сердечная мышца —
сердечная тишина.
Ровный шум пустоты, дыханье пропащей жизни.

Они одержимы трещинами в огне:
белый — красный — и наконец-то чистый.

Один глядит изнутри, другой его отражает.
Одно лицо к одному огню они приближают.

Сломанный изначально крепче сломанного случайно,
они читают трещины на коре:
старая лестница на горе,
печальный воздух, сон предпраздничный чужедальний.
Дожди идут на чёрную стену леса.
Самая сердцевина весны, середина лета,
осенний обморок, зимний стыд, полярный
круг несуществующих новостей.
Сны становятся всё сложнее, всё менее совершенны.
Они это мы, мы — я не знаю кто.
Им всё проще... всё ближе... дальше уносит в море.

ПОД ЗАЩИТОЙ ОДИНОЧЕСТВА

Под защитой одиночества я была часа два,
я пропала в субботу,
суббота права,
когда скользит, снижаясь,
когда по домам безжалостным, заколоченным,
по вокзалам, по булочным и молочным,
не с косой, не с кинжалом, а с сахаром — мечет его
на грязь,
сладко, и тошно, и нужно упасть.
Вместе падаем, я и моя сестра, зверь щитовидный.
Так и теряют стыд,
не смотрите, когда двоится, как бы не загноилось.
Вот сахар лежит у нас под ногами.

Вот я подбираю сахар губами.
Вот у меня дрожит нижняя половина шеи.

Кое-что о безнадёжном искусстве, кое-что
о казённом принце:
зверь стекловидный никогда не была красивой,
даже когда в больнице
сперва по стенке, потом лежала, еды просила,
потом санитарка баночку уносила.

А там, где листья гаснут и мокрый дым, некого мне
окликнуть,
там ничего не будет крепко и лепко.
Слишком большие дороги, по ним — и не быть людьми,
они для другого шага.
Если бы мне окликнуть весенние листья! если бы мне
оплакать.

Я давно не хочу говорить о жизни, о ней всё ясно,
моё молчанье огнеопасно,
а заново
ни о чём подумать нельзя.

Зверь покалечен, он рвёт и мечет,
рвётся и мечется нами всеми,
один удар для него спасенье,
но все толкуют его, пинают,
а в нужную точку не попадают.
Вот просыпашься, уничтожен —
зверь цикловидный, берег неверный,
враг неразменный сводный,

горным путям, а там и совсем замёрзнет.
Белки бегут по телу, прячут в рукав орехи,
я наравне с поленом, наедине со снегом,
снегоцентричным смехом надо смеяться вдруг,
чтобы внутри — круг белый, а сам ты стоишь вокруг.

Сколько небесных речек, облачных географий
малая вереница.
До и после каждого слова можно остановиться.

ВЕЩИ

Не расставаться.
Стало быть, разорвать.
Поволокут по лестнице вчетвером.
«Их провожала разбитая горем,
убитая богом кровать», —
скажут потом, когда опустеет дом.

Вещи двоились, чтобы не уходить,
на бок ложились, чтобы не с молотка.
Эти не жить просились — разве что пережить
светлое время суток, яркие облака.

Эти хотели выдержать до зари,
просто держаться за руки до утра,
так и качались, будто болит внутри,
так и молчали, будто бы нет нутра.

Дышали ровно, держали, держали ряд,
только друг другу — прочему не нужны.
Сколько они просили у всех подряд
клея, гвоздей, и места, и тишины.

Несколько стёкол, стулья, картина — девятый вал
и двадцатый век нежности, квартира идёт ко дну.
Это не страшно — вынырнул... всё, пропал.
Прямо сейчас думает: «Я тону».

Комнатные цветы поедает моль,
моль пожирает время плюсквамперфект,
время уходит, здесь остаётся ноль —
бантики, винтики, фантики от конфет.
Это не страшно — ноль поглощает жизнь,
жизнь — это гарь и новая тишина.
Звёзды ошиблись, спрятались, не зажглись,
хочешь, я буду звёзды, а ты луна?
Хочешь, я буду клоун, а ты пальто?
Я неизвестно кто, и ты неизвестно кто,
карточка, фотофорточка, горстка воздуха,
горстка из ничего.
Вовремя или поздно, вдвоём не выбраться —
это на одного.

Мне захотелось спрятаться и упасть,
чтобы узнать, как падают, и уснуть,
чтобы понять, как спящие видят страсть,
сны у них неподвижны — не ускользнуть.

Как это — пропадать, не бежать, ждать,
руки по швам, наблюдай, как трещит броня.
Я остаюсь в раю, оставляя рай,
не покидай меня, покидай меня.

Я остаюсь в дыму ли, в долгу, в чаду,
мне не сомкнуть, не отомкнуть глаза.
Не провожай меня, я и сам иду.
Не поправляй меня, я уже сказал —

и я не верю. Это не обо мне,
это чужие вещи идут на слом.
Пусть они расстанутся наедине,
пусть они правду скажут, а мы соврём.

Мёртвые не прощаются наяву.
Что-то выносят с третьего этажа.
Это всё вещи, вещи — а я живу.
Фотографируй. Только не искажай.

Это же вещи, кто-то же их несёт,
они не сами движутся на убой.
Пусть их судьба разрушит или спасёт,
пусть это будут вещи, не мы с тобой.

Весточку, выручку — да всё равно пора.
Тащат меня по лестнице кувырком.
Как без тебя мне гнить посреди двора?
Всякий урод придёт за своим куском.

Каждый ко мне придёт оторвать ломоть.
— Это не страшно, — скажет пустая плоть.
Страшно другое — то, что не суждено.
Помни. Нет, помяни. Посмотри в окно.

ГОРА

Смерти нет — то есть сёти нет,
телефон не работает, вот и всё,
едем в поезде в темноте,
ночь горит как костёр.
Телефон не работает, сети нет,
на его экранчике вдалеке
прочитать неправильно, налегке —
«смерти нет».

Проезжаем Братск, темнота кругом.
Так легко бежать мимо чёрных гор
и шептать им, что смерти нет.
Так легко читать мимо мелких букв:
полночь близко, а смерти нет.
В синеву в снегу я бегу, бегу,
помощь близко, а смерти нет.
Иногда мне хочется не успеть,
иногда мне хочется не упасть,
превзойти вопрос, угадать ответ —
а её всё нет.
Сети нет, а может, и рыбы нет,
телефон и тот ощущает гнев,

тьма смыкается и горит.
Не о чем говорить.
Телефон оглох, развязалась связь,
несмертельным ядом поили нас,
смертельным ядом поили нас,
а её всё нет.

Время пятится до утра,
время катится, как гора,
а гора, гора, как дыра, дыра,
разрушена до нутра.
Смерти нет, и я всё бегу, бегу,
а гора не может, а я могу,
а когда горе запрещают ход,
она совершает взлёт.
Но полёт не выдержать никому,
завершает взлёт и стоит в дыму.
Что горам не запрещено?
Молча идти на дно,
распадаться по мелочам,
дать приют меховым вещам,
стать укромным местом, где спать мышам,
а потом становится всё равно —
это разрешено.
Ей становится всё равно —
это предрешено.

Мы невидимы в темноте.
Мир невидимый опустел —
ни гостей, ни благих вестей.

Только мёртвые языки,
малые города,
псы, живущие на цепи,
смотрящие в никуда.

*Посмотри на них — говори, гора,
повтори им, что смерти нет.
Есть она, — говорит гора,
вся разрушена до нутра.
Есть она! — говорит гора,
вся изгрызена до корней.
Она не уйдёт, и я не уйду.
Не падёт она, и я не паду.
Есть она! — говорит гора, — и я буду с ней.
Не она со мной, а я буду с ней
и скажу ей, что смерти нет.*

***

Огненный цербер — кто-то идёт курить.
Огненный карцер — кто-то идёт за чаем.
Жгучий дракончик на потолке
в яме стеклянной моих желаний,
вынутой кверху наоборот, кверху раскинутой,
кверху дном,
в стеклянной, вывернутой наружу норе —
на её дне
отринулся в яме лампы раб лампы —
каменный свинокожий дух прочь.

Кончилась правда,
настала ночь,
я раб лампы.
Вагон мой дом, он полон и пуст
теньями жёлтого, желчью и золотухой,
вокруг да около — полночь неполных слéпо-глухо-
полуогней,
всеночного всеогня нет, во мне — нет, я жду
настоящего, нет.

Из окна клевера клевета, маета коров уже не видна,
суматоха рыб, верб, рук,
всех быть, верящих в проснуться навек,
спешащих успеть упасть вверх
до начала иных их,
до гари и чада иного дня.
Дети пепла, дети тепла, это не вы сейчас,
это в ночь исказилась иная ночь,
ночью уходят вагоны-прочь, вагоны-сквозь,
это в ночь отразилась иная ночь —
там Амарита танцует, не ходит, не говорит,
постель её сгнила от ползучих роз,
пятнистую кожу гложет жаркая пустота,
падает кобылица в горы спиной, ровня горы с землёй,
ни один китай не пройдёт от глаз её до хвоста,
она танцует на сквозняках и дышит сквозь тростники,
выгибая пределы разуму и уму,
и нет её — есть одна улыбка земли, есть одна моя
улыбка землёй,

девочка чеширенькая моя, я настолько больше тебя,
дай обниму, если смогу на ощупь, мои глаза
выцарапала весна,
сытая весна медленно выклевала меня
по крошке до, по крошке ре, по этой вашей проклятой
«крошке-картошке» до самого последнего дна.
Я карусельное в красном платье, хожу колесом,
изжигаю свет — я раб лампы,
она чёрный пудель, по потолку вагона несёт мне палку
и говорит нет,
я лай лампы.
Детский смех добирается до меня в три этапа,
тесно,
мир похож на ответ,
на огурец без дверей и окон,
каждое семечко вышло боком и говорит «нет».
Детский смех разбирает меня и убирается под кровать.
Кровь плещет, кровь ищет, возобновляется, прожорливо
останавливается.
Я держу руку как отвратительно раненого.
Поют-поют нарастающие недостающие.
Поют-роняют по капельке тысячи километ.
Поезд стонет сонным ребёнком,
в ребёнке терпит иголка случайного фонаря.
Остаётся лампа — в ней заключается человек.
Человека не запасёшь впрок,
не упасёшь себя от себя, других от других — нет его,
ушёл покурить
и с тех пор перестал являться, перестал считаться,
перестал быть.

Навсегда спасительно, навсегда вопросительно,
невыносимо, избрано-изгнано на тот свет.
Кто последний целуется, тот и прав.
Кто последний встретился, тот и свят.
У вас навсегда так, а у нас навсегда нет.
Поэтому вы тут, поэтому всё в вас,
у вас так, а у нас нет, и нас
нет.

О ВЕЧНОМ ХОЛОДЕ И ВЕЧНОМ ОГНЕ

Долго. В холодном доме, словно в разбитом шаре,
сесть на чужой кровати в зелёном шарфе.
Можно смотреть в окно бы.
Этого слишком много.
Долго — такое слово, его повторяешь долго.

Тени. Как будто в небе прыгают белки, волки,
бегают скороходы
и теплоходы на воле плывут по водам.
Это скороговорка? Это скороговорка.
Только так и поймает невидимого неволка.
Тени — как будто в небе сходятся тропы, травы
или такие раны.

Чудь, звёздная широта, дикая и прямая.
Кто беззвучные эти стаи перелистает, допонимает
до Голубиной книги, до верной строчки,
до самой точки — и дальше глянет,
устанет, переустанет, а не вернётся.

Какая тень до родины дочитает, на небо
переберётся?

Долго. В холодном свете сидеть на чужом пороге
по времени — на рассвете, у времени — на дороге,
не говорю — вдыхаю и выдыхаю,
не кто такая — куда, для чего такая.
Тьмы тем, снег в снег — аспирин и вата,
это твоя расплата, твоя зарплата,
глупая кочерьяжка, бедная деревяшка,
это твоя награда — что ничего не страшно.
Горе меня не видит, город меня не помнит.
Тени. Как будто в небе много холодных комнат.
Вот она, лестница без перил.
Вот она, гостиница без гостей.
Вот они, пропавшие без вестей.
Мир погасил, имени не спросил —
вечный огонь горит.
Он не погас, он горит за нас.
Из нас. Из последних сил.

***

Елене Сунцовой

О, бедным путём, походным, затопленным,
неродным,
от помойных ям сквозь талое облако,
через кладбище, через дым...

Солнцу ли ходить огородами — краденому,
раненому ли глядеть веселей?
Стой, где стоишь, за окошком, вокруг да около
тополей.

Снег устаёт, тает и хочет пить.
Тает, как память.
Прилетает сорока поговорить
с добрыми человечьими черепами.
Солнцу ли не плыть по весне,
солнцу ли не знать обо мне?
Не знает.
Но на просвет и в решето сада
вместо дождя падая, понимает,
что сад из ада.
Дышится ли ещё в наших краях?
На огнях, на костях сада
сделал шаг — и всё, засада, повсюду сеть.
Сад дымит, и болит, и тлеет.
Рай цветёт, как ад не умеет.
Ад споёт, как рай не посмеет спеть.

***

У каждого больного над головой
болезнь бесится и хрипит,
кричит лекаря: «Ле-е-карь мой!
я тебе, я тебе, я — тебе... Нет, не подходи».

У каждого лекаря на голове
боль сидит пауком-короной,
лапки свесила и зовёт: «Король мой!»

У каждого короля в голове
сидит власть, во власти — смерть,
в глазах у смерти живёт смех,
а в нём течёт весть.

У каждого вестника над головой
пьяный лекарь, мнимый больной,
мёртвый король, живой король,
голый король...

Они меняются, как вода,
они сливаются, как вода,
и я несу их над головой,
и я не помню куда.

МАЛЕНЬКИЙ МАМОНТ

Маленький мамонт слушает маму, вечную мерзлоту.
Как телевизор в соседней комнате, та говорит не с ним.
Так, болтает. В небе звезда сгорает, но не горит,
и мы сгораем, перегораем, должны держаться,
но не хотим.
Мы хотим оборваться в весеннюю пустоту.

Маленький мамонт слушает маму, вечную мерзлоту.
Она его не пускает на улицу погулять.
Он окровавленным зайцем бежит к мосту,
она не мешает, не запрещает ему понять.
Лёг на мост, пытается проползти:
всё, что угодно сделаю, отпусти.
Откуда я взялся, мама моя зима,
необитаемая, неосязаемая тюрьма?
Вечная мерзлота издаёт еле слышный скрип.
Мама, куда я делся, за что погиб?

Всё болит. В стакане прыгает аспирин.
Вместо меня другие светятся и растут.
На глубине двенадцати метров, сам себе господин,
вечный мамонт слушает вечную мерзлоту.

ДЕВОЧКА

Она так сильно боялась,
что волосы стали расти
обратно в чёрную землю её головы.
Вся поместилась в пальцы левой руки.

На второй день стало светлей.
Нашла на болоте следы погибших огней.

На третий день искры из глаз всё те же,
знак её — полдень, глаза изгоя.

На четвёртый день пришёл голод.
Ела скалы, пила свои мысли.
Не двигалась с места.

Пятый — вечное утро, зоркое поле.
Было былое.

На шестой день вырос клевер.

На седьмой пришло её племя.

Теперь она не знает страха,
состоит из одной чистой смерти,
у неё нет голоса,
она одна простая капелька.

Она взрослая.

ВОЗРАСТ ПНЕВМЫ

Тебе пятнадцать, а мне девяносто,
нет во мне ни костей, ни плоти.
Кричали дети, качаясь на досках:
«Ты в болоте, я в самолёте».
Дождевое золото без блеска.
Около земли по колено леса
теплится затменьё листвы промозглой,
скоро их не будет, а только воздух.
Старому хозяину пыль да короста,
новому хозяину новые доски,

дай ей только повод — она забудет,
дальше будут искры, а глаз не будет.
Это называется возраст пневмы,
дальше будут книги, горшки и кошки.
Что я буду делать, когда ослепну?
Десять тысяч лет говорить в окошко
(что ты будешь делать, когда ослепну?
десять тысяч лет приходиться в окошко).
У неё на кепке сидела рыбка —
дождик дал ей жизнь, но не сделал вольной,
ледяная метка, двойная пытка,
как она забилась, а мне не больно.
Брошка загноилась от злой иголки,
дерево гноится от каждой ветки,
как она смеётся, а мне не больно,
это называется возраст пневмы.
Воробьи живут в треугольных дырках,
дальше будут птицы, а гнёзд не будет.
У неё на кепке сидела рыбка,
дальше будут рыбы, а слов не будет.
Десять тысяч лет говорить с другими —
так нищает пламя, любое пламя,
дай ей только имя, любое имя,
чтоб она плыла между ними-нами.
Вот её молчанье открыто настезь.
Кладбища здесь нет, оно вышло замуж,
заросло стрекозками из забвенья,
пусть её молчанье плывёт, как пенё.

Так и забывают себя в могиле,
в горнице горы, во светлице света,
так и воскресают, когда убили,
около зимы по колено лета.

У меня в глазах от воздушной линзы
радужная сыпь, соляные брызги,
у меня в глазах навсегда двоится,
только тот и видит, кто видел дважды.
Только так теперь и могу присниться —
временем дышать утоленьем жажды.

СОЛНЕЧНЫЙ

Вот я смотрю на свои ресницы.
Это не удаётся.
В одном глазу гвоздик, в другом — праздник,
в правом глазу — солнце, в левом — или-не-солнце,
мне не вывернуться наизнанку, не выкувырнуться
из кожи,
или-не-солнце меня не греет уже, не гложет —
я превратилась в камень.
Солнечный луч ударил — я превратилась в камень.
Тяга земная тянет, она на меня давит,
я превратилась в камень, слева направо
капля проистекает, что происходит?
Кто ко мне мимо меня ходит?

Кто глаза закрывает — кто мне глаза закроет?
Камень в каменном доме, сердце воспринимает,
сердце поёт и ноет, просит не понимает —
каменный кто-то, кто-то есть в этом доме,
мёртвый в мёртвом, какой-то холод в холодном,
кто-то бессонный в огненном доме ночи,
кто-то кошмарный хочет заснуть со светом, чтобы
не стало страшно.

Кто там хочет уснуть, чтоб перестало пусто.
Эхо уснуло.
Это я. Смотрю на свои ресницы.
Так глаза завернулись — теперь я смотрю снаружи,
вижу свою рожу. Это не помогает.
Мёртвая кошка злится, живая боится
и убегает. Я остаюсь одна. Подбираю мусор,
играю,дохну. Теряю воображаемые кольца.
Слушаю воображаемый колокольчик.
Брызгаюсь воображаемыми слезами.
Чаю, когда, куда солнечный луч ударит.
Горем ли подавиться, счастьем ли захлебнуться,
это не удаётся, это не помогает.
Но во временном доме — там, где можно закрыться —
сердце рисую, сердце рисую красным.
Ярко-красным, так, что от счастья глаза слезятся,
заплакивают холодный город подземноводный,
город невероятный.

Страшно вокруг меня. Вокруг меня страшно.
Может, это чума? — поверила — заразилась,
может, зима ушла, и я сиротой осталась.

Тело двери скрипело, тело синицы пело,
а у меня нет, нет и не надо тела.
Вместо меня моё наблюдение наблюдало.
Тело качели ныло, тело синицы знало.
Дело у птицы было, дело у ёлки, дело у воскресенья,
а у меня нет и не надо дела, я чужое творенье —
я чужое творение разбирала,
как оно не со мной говорило, мимо меня глядело,
я чужое деянье,
чужое деяние одевала во все одеянья мира —
все одеянья мира его не скрыли.
Пусть добрая рука вынет
из правого глаза гвоздик, из левого глаза праздник,
пусть добрая рука найдёт меня среди этой пыли,
точку укажет — солнечный луч ударит.

Солнечный луч ударил —
я превратилась в темень,
солнечный луч ударил —
я превратилась в кремень,
я превратилась в пламень.
Солнечный, я превратилась в даль,
налетел ветер,
поднялся пепел,
я осыпаюсь в терру.

Я никуда не денусь — я превратилась в солнце.

***

Бессмысленно: лепесток,
не-оставляя-следов-путешественник,
в розовом воздухе лёг легко
на спину, на воду.
Я был в великой армаде цветов,
в предгрозовой осаде садов,
участвовал во всеобщей весне.
Не подходите ко мне,
не подбирайте.
Я всё ещё там.

ОЙКУМЕНА

***

...ходит по ночам, ищет
лестницу на дикую насыпь.
День и ночь вода ключевая
по лесным дорогам стекает,
едет вода на дрогах,
то сверкает, то замирает,
в ней трава шевелит руками,
то танцует, то замирает
день и ночь об одном и том же.
В пустоте неясного сердца
истина немилостивого сердца
вертит круговорот электричек,
голубых, зелёных сестричек
без стен и пола.
День и ночь вода по дорогам
катится с гор, как пламя,
бросишь яблоко — прорастает,
рубишь голову — отрастает,
просишь лодку — вырастет лодка,
лодка совсем пустая,
ходит по ночам, ищет
пристань...

***

Призываю на погляденье —
как старые одуванчики воткнуты в почву,
какие они нелепые и слепые,
как они топорщатся, как при каждом вздохе
их семена летят наследовать землю.
С горы за мячиком падают ничейные ребятишки,
мячу лет тридцать, им семь или восемь.
У моста отошли перила,
от поезда он трясётся,
внизу коровы, одна белая, возле морды в воздухе
пятна солнца,
раньше она говорила,
теперь всё стало понятно, всё свернулось обратно,
я больше не говорю о своих любимых.
Осторожно! Солнечные кавычки
закрываются. Следующая станция
возникает из ничего, сама собой, по привычке.
Ягодный, Огоньки, Таёжный, Трудный, Медвежий.
Осторожно — ягодные оковы
тянут меня на дно безысходной ямы,
на стяжение воздуха и земли хочется с криком
освободиться.
Кто-то маленький пищит и скрипит рядом —
это корень, голенький и слепой, вполне понятный на ощупь.
Из него ничего не выйдет, не заслужил родиться.
Страшно в тысячу раз сжиматься, тысячу — во сне —
обниматься
страшно,
ещё страшней не присниться.

Мир так полон, как я полон жалости и смятенья,
поддельны и подлинны его лица, следы, растенья,
некуда здесь прижаться, нечего здесь лишиться.

***

...король её, улыбаясь, находит и говорит:
старая старая вещь
старая старая дочь
убежала в лес, заросла высокой могилой,
заросли клочки в незабудку, закатились её колечки.
По камешку, по цветку
король её собирает, венок надевает и говорит:
долгую-долгую ночь стёртая дочь-половинка
на небе горит.
Обезьянка Терция прыгает с потолка, с забора,
пропадает под старым зонтом, одна за другой
капли её пронзают, король её собирает,
кладёт под ноги дорогу,
на животе угрозу,
суконный хлеб в головах.

Положи меня на руке твоей,
как камень в руке твоей.
Отпустимо, ладо, во дно во одонный сад,
отрешимо, доре, во море двери домой,
одоламо, немо, возьми монету,
лизни монету под языком.

***

Цинне-ваа! Гильдия птиц, как дым,
в полукружьях воздуха чертит дом
в осьмеро, в дефтеро больше нас, встроенных в муравейник.
Цинне-ваа! Кинтия птиц впотьмах,
плоский цветочный мрамор небес,
снизу в каменных чашах лежит земля.

Цинне-ваа! наружная лестница, баррикады птиц.
Дождь уже вытекает из моего виденья,
из поведенья времени —
цинне-ваа! как дым в полукружьях дней.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Мы с тобой
не боимся темноты и тишины,
на земле такие волны — это сны.
Без обид мигает лампа,
а луна ей как ребёнку говорит:
«Теперь гори. Теперь замри».
В дверь несёт анабиозом,
на дворе уже сто три, насквозь промёрзло
одеяло на окне.

В коридоре
кто-то ходит как живой,
ты не спишь и хочешь знать,
куда деваются кузнечики зимой.

Сердце города не бьётся,
макияж его не тает,
нам с тобой
на двоих осталась только
Книга Тэль на верхней полке,
я во сне её читаю по складам, и мы бежим
на края зеркальной книги,
на поля полярной ночи — жить да жить,
а надо прыгать
по отвесным перевёрнутым ступенькам золотым —
и я читаю наугад,
как червяк тихонько плачет,
пять сердец его не бьются о любви — земля молчит,
осыпается фиалка,
без обид мигает лампа, без обид.

Всем бездомным
колыбельную бессонная поёт,
это Тэль глядит на воду,
а вода Адоны смотрит на неё.

Мы с тобой
прячем нос, чтоб не коснуться темноты,
как бродячие собаки, как коты,
но от простуды
целый день в глазах темно — ни сна, ни солнца не найду,
разве Тэль глядит на воду,
это речка Безымянка,
всё забуду,
а тебя по ней с закрытыми глазами проведу.

Мы с тобой —
мы лежим на верхней полке,
а над нами только крыша тишины.
Я тебя совсем не помню,
я немею, как ты дышишь,
как тебя несёт дыхание весны.
На земле такие волны —
это Тэль глядит в Адону,
а вода Адоны смотрит в нас с тобой.
Пар и лёд, обнявшись, просятся домой,
земля молчит, ответа нет,
насквозь промёрзло одеяло на окне.

ЗЕЛЁНАЯ РУЧКА

Что упадёт на землю, станет пустым и старым,
так что давай держаться, кто сколько сможет.

Шла и нашла в ручье ничейную ручку,
ручейную, не мирскую и не людскую.
Пишет — не пишет? Пишет зелёной пастой,
пишет душистой кровью без остановки.

Пишет чужая ручка чудесной кровью:
«Я тебя из-под земли достала, а ты не помнишь,
я под землёй светила, а ты не светишь,
я тебе говорила, а ты не знаешь.
Солнце ли тебя от меня скрывает?»

Кто упадёт на землю, станет совсем ненужным,
будет лежать, истекая весенней грязью,
больше не сможет дважды войти в однажды.
Ангелам на плоских камнях не поднять тяжёлые веки.

Берёзы в рубище, вы свободны.
Рисунки на кладбище, вы свободны.
Любимые детища, вы свободны.
Все эти вещи больше уже не вещи.

Пишет чужая ручка зелёной грязью:
«Если бы всё пронимало меня до кости,
если бы всё прожигало меня навывлет,
если бы всё открывало во мне окошки.
Если бы всё оставалось со мной навеки.
Ночь умирает, я умираю ночью,
день проступает, я появляюсь снова».

Лестница без перил, без нескольких строчек,
падает навзничь.

ТАМ ЛОШАДЬ

Я говорю, там лошадь.
Какая лошадь? Не знаю, какая лошадь.
Лошадь, похожая на тебя.
В мелкую клеточку, да?
В белую кисточку,
в чёрную звёздочку.

В огненных стрелах.
Лошадь, похожая на тебя.

Сторож, похожий на ветер,
разводит костёр, проступает пламя —
пламя, похожее на тебя,
бесцветное.
Можно смотреть долго,
можно простыть, можно пойти дальше.
Если зайти далеко,
станут встречаться люди.
Все они мне как дети —
дети, похожие на тебя.

Пахло дождём, а шёл непонятный снег.
Как поздняя электричка,
робко светясь,
вдоль огородов
тянулась, тянулась, тянулась, тянулась лошадь,
ни на кого не похожа.

**ЖИЗНЬ ПОТЕРЯННАЯ
И ВОЗВРАЩЁННАЯ**
Цыганский романс?

У неё болит
в сумраке ноги,
в жемчуге ноги
инородный винт.

У него болит
на приказе глаз,
на команде рук,
на параде плеч.

У него луна в тетрисе ножа
падает на снег,
высекая гнев.
У неё луна
прыгает, как лев, высекая смех.

У него дрожит, у неё дрожит
решето нутра.
На земле лежит
колесо костра.
Оба прокляты, оба ранены
в тесноте огня,
в шуме пламени.

У него летят
соколы в глазах,
гончие в душе.
У неё поёт
голая спина,
капельки ушей.

Ты не уходи.
Если разойтись —

будем век глядеть
на изнанку лиц,
да не знать, кого
кто не разглядел
в трауре равнин,
в озере травы,
на исходе тел.

У неё болит
от жужжання пчёл,
от касанья щёк,
от дыханья дней.

У него болит
от дыханья — нет!
от молчанья — нет!
От прощанья с ней.

***

Невидимый зверушка шебуршится под оврагом,
под обрывом, под откосом во широкой долине,
уходящий по ушедшей, мечется незримый остров
в сокрушающем огне.
Он босой, полураздетый, искры-пчёлы-переправа,
на ветру гудят костры,
а черёмуховый ангел над пылающей поляной
режет рыжие кресты.

Уходящим по ушедшей проторили палестинку
до предсонья, до предела, до лесных материков,
впереди открылось домом, позади замкнуло дымом —
выходи из берегов,
уходящий по ушедшей, уходящий по неспящей,
по безродной, по бездомной, по бессовестной воде,
позади лежат пороги, хлеб и соль о настоящем,
впереди лежит нигде.
А черёмуховый ангел перегнившими зубами
нитку тонкую грызёт,
жеребят целует в морды, а его никто не кормит,
а в него никто не смотрит,
у него полынный вечер, запоздалый взгляд червонный,
а назавтра он умрёт.
Превратится в небылое, понесёт его на волю,
на беспмятство и ярость
в колыбели расцеплённой,
на коляске без колёс.
Всё по речке да по ночке, по водичке-одиночке,
и мерещится ему
никому уже не нужная проточная дорога
в луговую землянику, в голубую полутьму.

Ты прислушайся, во мне чего-то нет, и дождь недолгий
в пустотелый тонкодонный наливается кувшин.
На реке от круглых ранок не осталось даже шрамов,
а неведомый зверушка под оврагом шебуршит,
роет нору подо гору, подо воду, подо корни,

БОЛЬШАЯ МЕДВЕДИХА

Большая медведиха на земле плакала.
Выла в звёзды, а звёзды плавали, как мальки малые.
А она плакала.

Большая медведиха шла о реку
сама с собой о руку,
там пахнет пламенем, тут — плаваньем,
вот уж земля под ногами мокрая. Обе дороги равные.
Мимо глаз, по корням волос, по краям болот
шла большая медведиха,
шла по горам по доньшку, шла на плоту по радужке.
У неё на губах промоины, на шее царапины,
у неё на щеках проталины,
на кусту облепиха дикая, злая-кислая-виноватая,
от неё озноб берёт.

Большая медведиха шла сама за собой
о реку реке, говорю тебе — в реке горе мыть,
отпускать, ловить, перепрятывать.

На зубах хрустит смешной уголёк,
это зверь лесной от воды продрог,
это змей речной под водой пролёт,
наклонюсь — а он душу выдернет.

Шла медведиха-поперёк-нога,
горе вымыла — проще дурака, чище облака.
Выволокла
на все берега, на всё около.

Оно высохнет — она вытерпит.
На поля небес наплзёт трава,
а пока одна только синева,
голая одна ходит синева,
синева-голытьба несметная.
Я не вольная — не могу пустить,
я не смиренная — не хочу простить,
я не смертная.

Большая медведиха плавала в заводи —
она была больше заводи.
Река всегда больше засухи.
На ней ставили зарубки все путешественники — она
была путешествием.
В ней вырубали лестницы все отшельники,
лестницы к утешению.
И никакого воздуха не хватало её дыханию.

Большая медведиха шла по берегу.
В воде отражалось то, во что она верила.
Белого, белого света невидаль
она не видела — её не было.

Добрые дачники окружали медведиху,
предлагали пряника.
Она брала лапами, пряники падали. Она плакала.
Они подумали: пьяная.
Добрая девочка по животу гладила.
К ней собиралась вся мировая гадина —

СТЕКЛЯННАЯ МЕДВЕДИХА

«Надо учиться быть одиноким», — думало в медведихе
молоко.

Лужа у ней лежала под боком.
Сон сел на лоб, уколол в висок, и стало легко.
Детям в больнице антибиотики колют в голову
в реанимации грудничков.

Банка-склянка, неостывающее, непонимающее стекло
сколото — не разбито, а так, всё не так, по капле,
не тает, не замерзает,
в ноль градусов не делает ничего.
Вечереет.

Медведиха на бок валится,
коченеет. В стеклянных пальцах
медленно тянется молоко.
Спит живот, голова сон видит.

В самом великом хоре каждому одиноко,
один думает, что кричит в пустыне,
другой думает, что молчит, не в силах понять ни звука,
а этого нет, а есть только песня, мука.
Ладно мы со своими грядками, взятками,
внутренними червяками.
Лишены помощи, так нам и надо.
А дети, с ведёрками и лопатками,
с маленькими совками?

Мы всё умеем, кроме любви.
Они ничего не умеют, кроме любви.

Скажешь ему: умри! — он умирает.
Прямо сейчас умирает, чёрт побери!
Сиди потом над мёртвым, ори: «Оживи, оживи!»
Кричи сколько хочешь, хоть до стеченья дней.
Мёртвых становится больше,
и не воскреснуть и не исчезнуть,
пока не станешь мертвей —
пока не станешь сильней.

«Что ж не у меня вы родились, дети,
что ж вы так далеко? —
думало в медведице молоко. —
Что ж вы там делаете?
Плачете, каменеете,
рассыпаетесь, ветром веете —
любимые, немые, убитые,
чужие, любимые.
Спаслись бы мы не знаю куда
от городов, от проклятых башен,
а там бежать, как бежит вода,
до синих гор, до полей ромашек.
Кто бы вырос другим, стал бесконечно сильным?»

Где ответ и что там в ответе:
где человек и что в человеке? —
такую книгу уже сто лет
ищешь, ищешь, а её всё нет
ни в разуме, ни в библиотеке.

Мало света — быстро перегорают.
Пьют, убивают, преуспевают.

«Лукоморья не существует», —
думает в медведихе молоко.
Хоть ты целься, хоть ты целуйся,
хоть успокойся, хоть закопайся —
ты не построишь его по дням;
зато его не сломать по дням.
А можно просто, напополам.

Сон на нос сел, лес вернулся к своим корням.
Любовь была ко всем и во всём.

***

Головокружительные реки —
я пропускаю холод, отражаю холод.
Головокружительные горы —
я пропускаю свет, отражаю свет,
думаю о другом.

Тряпка, измятая бархатным страхом ночным.
Смыты животные сонным приливом растений,
смыты кустарники тёплым ровным теченьем,
вот и уносит преступников беглой водой облаков.

Горные реки сначала бывают пусты,
каменной тропкой они поднимаются ввысь,
и невидимый плеск
проходит по ним, как дым, — камни? воздушные ямки?
Это воздух рябит и ребрится.

Душа высоты не тепло, не холод,
а так, стоять на обрыве глубоком,
душа как повод, и тело повод, и отпустить поводья.
Недавно была дорогой из камня,
но дождь нарастает, и капля по капле
он заполняет явь и стремится вниз.
Летят водопады, как царь в победе,
опору теряя и повторяя каменный путь,
который, едва дыша, только что шёл наверх.

Земля из столетней хвои,
земля последнего звона,
земли под ногами нет — одна глубина,
заглядывал вниз — не увидел подножия гор,
не увидел покоя,
заглядывал вверх — не увидел вершины, не понял,
откуда она,
откуда она вытекает, не смог дотянуться.
Воздуха нет — превратился в летучую битву,
каменная, неприкасаемая стена учит летать водопад.
Став свободным от высоты, он тронет камни
и закипит,

кружится в чашах, и снова летит, и глянет насквозь —
и летим.
И тряпка, измятая страхом, уходит за ним.

Есть хозяин у камня? а у сосны?
Есть ли вообще хозяин той стороны?
Кто их запомнил, тот их и сотворил,
кто их придумал, тот их и загубил.
Кто их добудет, тот отступает в сны
и остановится только с той стороны.
Кто их добыча, станет и сам такой —
станет отдельным цветом, ангельской быстринной,
головоломкой пропасти, пропастью тишины,
медовой смолкой на языке сосны.

Туда — обратно, туда и снова туда.
Дорога в глубокие горы.

Облако-тень иносветного, шепчущий шар
одинокое дикого шума.
Остановился бессмертный бег водяной пыльцы,
радужный пар воздушного растворенья.
Гул по ущельям вниз, за пределы сил —
это летит дыханье и за-дыханье
центробежное — горные реки дня
для ночи закрытых глаз,
видящей нас и реки — видящей только нас.

ОЙКУМЕНА

Ветер дует в пустую кость,
а она чуть слышит,
едва слышна.

Разметался по небу ворох —
птицы-искры, иллюминары,
хор мгновенных дорог
в четыре стороны ночи.

Нищенка бросовая, в красном платье,
села на вечернем пороге.
Поперёк спины у неё канава,
на дороге подкова.
Белая лошадь просит хлеба.

Это юная ойкумена
и её королева.

***

Ксении Щербино

Чем отвечу нарастающим кувшинкам, утопающим
обмылкам облаков?
...разбери меня по косточкам, по горсточкам,
по ржавым нелетучим кораблям...

Сплетена моя осада вся по ниточке из разных рукавов,
шито, крыто, пережито, а не стерпишь,
распускается по швам.

Сплетена моя досада вся по пёрышку
от разных островов,
каждый остров, как апостол, улетаю,
по лицу меня хлестал.
Каждый остров, как подросток, недоступен,
неподвластен никому.
...разбери меня по оспинам, по гордости, по росту,
по безумству своему...

Журавли их покидают. Корабли уже лежат на глубине.
Рассуди меня судами. Разбери меня на память
обо мне.
Велика моя находка, не соломенная лодка, не венок.
Чем ответчу человеческим излучинам, затерянным
вечерним берегам?
У меня не будет тела, моё тело опускается на дно.
У меня не будет сердца, моё сердце распускается
по швам.

Сплетена моя преграда не из сердца, из материи иной.
...разбери во мне хоть слово по обрывам
осыпающихся ям.

МАЯК

Это вступленье; войско вступает в город,
в улицах и домах воды по колено,
идут по воде, идут, ничего не помнят,
плачет по ним вода по проливам комнат,
знамо куда идут. Отпускают знамя,
знамя плывёт по улице перед ними.
Это вступленье.
Город их так встречает ради обмана зренья,
ради сомненья в том, что сильней сомненья.
Вступительное — оно ничего не значит,
оно отомрёт. Под ногами плывут платочки,
бумажки, чашки. Зови это маяками.
Как тут проспать можно? Всё зови маяками.
Как тут пропасть? Маяк посередке неба,
на потолке маяк. Так мы стали похожи
на плаванье,
и на плавучий мусор,
и на его паденье за край земли —
похожи и непохожи.
Сходство не вечно, сходство уходит первым.
Всё маяки: на кухне кипит маяк,
рядом дышит маяк. За окном
маяк на верёвке сохнет среди природного шума.
Переверни маяк, открой на другой странице.

Облако шло тропкой, береговой дорогой,
при встрече пятилось, вздрогнув,
пряталось ночью в воду,
ко дну спускалось, купалось-мылось.

Такая малость, такая жалость, такая милость.
Вода всё выше.
Это наши дома растворило море.
Это наши моря. Никакие слёзы
их не сделают глубже, нас не сделают старше,
и никакие рыбы не сделают нас сетью,
и никакие сети не сделают нас рыбой.

Что ещё? Над горами небо,
за летом лето, за морем море.
Выйти из дома трудно —
много пустых комнат, вода по полу,
и никакие братья не встретятся на дороге,
и никакие лодки.
Трудно запомнить, где ты,
трудно проверить, кто ты.

Я не огонь, не парус, я не безвременный
горожанин.
Слушай меня, маяк,
нечего мне добавить,
нечего повторить, незачем изменяться,
сам я рождён, чтоб длиться, помниться,
повторяться.
Я не маяк, я песня о маяке.
Песня в туман, песня о маяке.

ЗЕЛЁНАЯ МОЛИТВА ТЕБЕ

Жечь зелёные листья и лепестки — самый простой
обряд,
его не совершить, не спасти за тысячу лет.
Имени моего одного не знают, не говорят.
Имя ему — огонь и зелёный цвет.

За три секунды сворачивается и распускается ветром
прошлых по-за-веков
прощальный женский платок.
За три секунды вспыхивает и тонет остров-цветок
по воле основ огня.

Три секунды вдоль побережья лежит — и уже уходит
зелёный стебель волны в моих огромных руках.
Океан слоится на лепестки, Тристан смеётся
на лепестках,
лепестки осыпаются в океан —
акватёум, миракулом, лепестан,
а нас уже перебрасывает в огонь.

От желтка и белка моего огня рождается
травяной хлеб,
ешь его, и будешь расти травой возле меня.

Я огонь, горящий внутри воды над воздухом и землёй,
рождённый жечь молитву, чтобы не спать в холоде
и в дыму,
жить молитву, как ледяную каторгу, пламенную
тюрьму,

ПРАБЕРЕГА

«Моя душа не знает покоя...
Но когда я ищу её, она исчезает...»
Снова цветут сиреневые ромашки,
снова живой туман своими путями
бродит над рельсами, ждёт, молчит.
Мокрая карта мира —
камешки и труха. Незаметный дождик
идёт босиком, льёт кукушкины слёзки.
Снова на рельсы дети кладут монетки,
поезд проедет — нет ни детей, ни денег,
только шумят летние дни да сосны,
только река захлёстывает дорогу,
из берегов в праберега выходит.
Ветер в воротах гор.
Ветер во всех воротах.
Это душа. Она не знает покоя.
Я её не ищу. Она исчезает.
Из берегов в праберега уходит.

КОХАУ-РОНГО-РОНГО ЖУКА-ДРЕВОТОЧЦА

Сергею Чегре

В воздухе будто сандал жгут,
древесный сок жужжит.
Шум-руччйк, шум-шум
по воле своей идёт вверх.
По воле своей идёт вниз, отмирая, кора.
В кристалле юности — острова, тьма птиц, свет.
В кристалле ясности с утра ничего и нет:
конский навоз,
самолётный след,
ледяной листок лёг ниц.
Слепнут ветхие города, стыннут древние письмена,
по воле ветра идут вверх, по воле поля идут вдаль
самые давние имена.
Их резал не глядя
древоточец-жук,
себя не помня,
вне глаз, вне языка, вне рук,
без сна, без начала,
в башне сидел, пока дерево-вещество
выпускало мягкие плети,
пока по воле своей зелёной
ловило сетью своей ветвлёной чужие сети
и заревом зареву отвечало.

Их резал в коре времён древооточец-жук,
и я их режу, когда на тебя гляжу
в земле забвенной. А там кора моя отпадёт,
тогда и читай её.
И свет сох, и дождь сел и глядел в огонь,
и пёрышко под ноги, а потом
по воле полёта всё-таки на ладонь.
Ронго-ронго, горечью не залить,
совестью не затмить и железом не покорить
гордость дарить
только самые старые,
самые простые вещи.
Пока не найдётся проще —
жить вместе, поить друг друга вином.
Мы никогда не умрём.

ЛОСИХА НА КАМНЕ

Лосиха неосторожна,
она преступает в явь.
Катится камень — старик без лица,
он всё время выносит лосиху вверх,
он всегда обновляет её черты.

Лосиха беременна,
у неё в животе лабиринт.

Его составляют белка, лиса, сова,
журавль, дракон
и кто-то ещё, дурак дураком,
рисунок на камне катится.

Лосиха беременна чесноком,
каждая долька лежит отдельно,
зелёные лапки сложила на животе.

Они выключены, они включены,
они затеряны, защищены,
их носила в себе нощу земли налегке.
Вы... ходите стремитесь от сердца легко.

Дошшш... тиххх... прятала их,
пока не хватило сил,
пока не пошёл дождь.

Лосиха стала прозрачной, у ней в пузыре пузыри,
живое полно живого, а та, что на камне, —
карта.

Вот шестипалые ручки глядят её изнутри.
Вороны каркают: — Мама! Мама!

Так и пойдёте. Кормитесь детством, смотрите
по сторонам.

Простудитесь — можно на землю холодную
лечь... слушшш... тууут...

Живите, докуда даны будут зреньё и речь.
И вы отберёте, и вас у меня отберут.

...Вся вода — это руки воды, хватающей всё
живое.

Пальцами рук и ног вода ощущает землю.

Дошшш... ну дыши, дыши...

росинка слушает шелеск.

Дошшш... тиххх...

тихо.

Лосиха уходит

меж каменных белых стен.

СЕРДЦЕ ПОЛДНЯ

Были полулюди-полуклёны,

были полуклёны-полулоси.

Жили-были, пели-пропадали,

в листьях, в ливнях, в иволгах бродили,

над рекой стояли, одноноги.

Пешеходы были многолики,

а дороги были одиноки.

Утром ты меня, как день, увидишь,

в полдень ты меня, как день, догонишь,

в сумерки меня, как день, пригреешь,

ночью ты меня, как день, забудешь.

Вот трава душица-богомольца,

вот её душице нет покоя,

вот её былинке нет ответа.

То заглянет за реку Десницу,

то по речке Шуйце пропадает,

то она взлетает с комарами.

то дрожит, как серая осинка,

тихая осинка с серой шейкой,

с тонкими зелёными руками,

что ж ты беспокойная такая?

На секунду мир остановился,

и его весёлые денёчки

динькают, как ветреные кольца

на лесной невидимой поляне,

на дверной неведомой цепочке.

Утром ты меня, как тень, заметишь,

ночью ты меня, как тень, укроешь.

В полдень ты меня навек обнимешь,

в полдень ты меня навек отнимешь,

в полдень ты меня, как тень, отбросишь.

На восходе или на свободе,
на ответе или на рассвете
движется без ветра, без закона,
думает без страха, без обмана
сердце полдня. Божимая травка
шелестё ленива, золотая,
а над нею божемоёсолнце.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Стань его пленником,
будь его черепом,
пользуйся его мозгом.
Это правильно, это правило мира,
это музыка.

Через час я стану намного старше.
Что мне сказать кроме того,
что вы ужасны и отвратительны,
что вы чудесны и притягательны,
вы нужны, это самое главное, это самое страшное.
Убийца нужен, чтоб отсыреть
и гнить, как кусок стены,
мученик — для алхимии,
чтоб получить вещество терпения.
А чтоб нас выручить, выманить, получить,
дети нужны.

Это правило мира. Что тут ещё сказать.
Те же две точки над левой бровью,
те же две раны на левой груди,
знаки мира, условие мира, власть мира.
Что я могу сказать кроме того, что мы ещё
вырастем.

Мы, несгораемая трава.
Мы, запуганная трава.
Мы, запутанная трава.
Мы, неведомая трава.

***

Тюлень мой господин, а рыба детский врач.
Вернуться к ним зовёт вечерний плач,
серебряный, ничейный, беззащитный,
но лестницы ушли. Дома открыты.
Они пусты. Сойдите с высоты,
живите там, где можете согреться.

Тритон — дракон, а рыба — голова.
Из комнаты в другую не воскреснуть.
По вечерам так хочется исчезнуть,
виссон — мой сон, я путаю слова,
мой прежний ум расколот пополам,
и жимолость, не замечая ям,
и робкая сестрица голубика
в потёмках пробираются к окну,
и смотрят, и сливаются в одну;
не помнят, кем которая была, —
и глядят по испарине стекла.

По ножке деревянного стола
взбираются лишайники и мхи
и глядят по излучине руки.
Мой бедный ум убит, и все дела.
Изнанка на изнанку так легла,
и самый долгий ветер засвистел,
что он умеет резать до костей,
что он дары приносит на ноже.

Из комнаты в другую не смотри —
я травушку повешу на дверí
вниз головой. На верхнем этаже
заплакали невесты дождевые —
и хлынули потоки дождевые
от потолка до северной стены.

По берегу стола, едва живой,
хромает человек восковой,
паломник из затерянной страны.
Несёт огонь в дырявом животе,
горит, горит о нашей пустоте.

Бежит огонь, впадающий в тоску,
по плеску, по песку, по лепестку
разбитого на повторенья дня —
он ищет язв от прежнего огня.

Сюда, всегда, на каторгу имён,
бежит огонь, не назван, не рождён,
мы рифмы и висячие сады —
он ищет нас по зареву воды.
Венок, вода и кружево ночи
плывут вокруг темнеющей свечи,
и голоса встречаются на дне,
и радуги живут на глубине —
изнанка об изнанке так молчит.

Из комнаты в другую не смотри —
плывёт вокруг сияющей зари

венки дорог и водяных зеркал,
пылающих домов, подзорных скал,
венки последних трав, подземных ив,
людей чудесных, смертных, костяных...

Земля, вода, огонь — мои дома.
Я след ищу от прежнего ума,
чтобы его покинуть на лету
из комнаты — в другую темноту.

***

Не угадаешь по сердцебиенью.
А если человек из сердцедонья
к тебе придёт на чёрных парусах
и скажет: всюду темень, мы попались?
Но там, где мы испытывали страх,
одни лишь вражьи косточки валялись,
и наши тут же рядом улеглись,
и в полночь сердца сердцу стало ясно.
А мы стояли тут же как без глаз,
и удалось подумать в первый раз
о том, о чём при свете было сложно,
и то, что рядом, было невозможно,
а то, что дальше, было не о нас.

***

Тупая косточка там, где больно,
левая. Чужими ногами
я опираюсь на погреб,
и половина прадеда
ждёт не меня / меня в половине двéри.

Тупая косточка, скрытой болью
я поднимусь в бесшумный еловый город.
Мания совы катится над изменчивым лесом.
Магия совы утром утонет в камне.

Тихо. Это уже на обруче.
Измородина на обочине.
Оглянуться.

Свет, охваченный лесом, не обернулся.

Тупая косточка, боль ушла,
клубочком катится по дороге.
Может, хоть этот путь не имеет края?
Как хорошо — никто обо мне не спросит,
как хорошо — никто ему не ответит,
я проскользну между двух молчаний,
я пройду между двух дверей,
я пропаду между двух дверей.

ИНАННА

Чтобы исполнить желанье стекла,
надо его разбить.
Чтобы исполнить желанье зла,
надо его впустить.
Чтобы исполнить желанье сердца,
надо его простить.
Чтобы вспомнить,
Инанна спускается в серую пыль,
ей навстречу светает — это восходит её тень,
иная Инанна. Две одиноких тьмы
родятся, рдятся, бьются в серой пыли —
так возникает одна из двух, поднимающих боль со дна,
двояко дышаща и ходяща,
дважды ранена тяжело,
вот рождается в серой пыли
одна из многих, несущих зло.

— Привет, подкидыш!
— Привет, подменыш!
— Какое платье с утра наденешь?
— Я теряю всё, останусь одна, я останусь голой. А ты?
— Я надену платье из твоей наготы.
— Я теряю всё, хорошо, для тебя я снимаю кожу —
чтобы ближе, чтобы похоже,
стоп! у тебя мой каменный лоб!
у меня твоя половина рук,
у тебя моя нога до колена,
ты несёшь мои костыли,

у меня твой враг —
у тебя мой друг.

...Универсальный крюк
поймал меня за ребро.
Автобус делает круг
бесконечно замкнутым; он и я
падаем на зеро.
Я каменею в гробнице хлебницы, а всё равно скриплю:
«Я накормлю голодных».
неправда, не накормлю.
Нет никого в руке Господней,
нет в руке преисподней, нет голодной меня,
а сухая жизнь — сухая корка не может себя самоё изгрызть.
Дрожит, как сажа, черна, как осинный лист.

Я не могу молчать половиной рта.
Инанна сняла одежды, а всё не та.
То ли она раскололась, складываясь повдоль,
на половину-боль и ещё половину-боль,
то ли двое вступают в боль, словно в бой,
и убивают,
пока не станут одной
победой —
и пока я не смогу понять,
разбила или слепила она меня,
и как исполнить желанье сердца, идущего вопреки,
и что за дар я приму сейчас
от её руки.

КОГДЕ

Когда проводишь линию по бумаге,
ты проводишь воду
и втайне спешишь за ней,
следуешь по двойным следам —
преследуешь третий след,
ищешь центр, а его там нет.
Кровь ушла, царапина заросла,
ничего не осталось.

Когда проводишь линию по бумаге. Шестиклассники
играют в хоккей.
Ты проводишь воду. Она улетает втайне. В тайну
спрятано колесо.
Пикца, пикца. Карлик тронулся по ступенькам.
Пикца, пикца. Балаган пустил корни в плясунов.

Вежливы все спящие,
вежливы все душители и утешители,
душителы и разрушители.
Все живы спящие, душители и разрушители.
Так лучше видно, как острое колесо в голове.

Когда проводишь линию на бумаге,
линию за умами,
ты прова!ливаешься
ты прогова!риваешься.
Так лучше видно решение.
Лучше видно зияние.

Вот я и не могу уже никакой правды найти —
существа мира не оставили от нее ни крупницы
пустых изменений,
пустых извинений,
пустых пустых
пустых объяснений радости.

Когда проводишь линию на бумаге. А что толку. Я вижу
руку и вижу бумагу, а где они возле меня? а что я вижу?
Когде, когде? Ниа, ни!

умеет засыпать и просыпаться
умеет вспоминать и забывать
она умеет остывать и падать
так лучше видно

НОЧЬЮ ЯБЛОНЯ. ПОВТОРЕНИЕ

Ночью яблоня цветёт на полнеба, как заря,
и не инопланетяне нас с балконов забирают, а земля.
Всё, что мы хотели видеть,
чем могли бы притвориться,
откликается впотьмах.
В этой яблоне над миром
нет ни памяти, ни страха, ни ума.

Ночью вольная цветёт, в облаках идёт весна,
и не инопланетяне наше сердце вырезают,
а луна —

неизвестная невеста — светит без вести пропавшим
в никуда,
лепестки от всех отпавших побежали по асфальту,
как вода,
как домой, а если спросят, где гуляла, — с кем была,
ты скажи, в саду гуляла, ты скажи, весь век искала —
не нашла.

В этой пúстыни под сердцем
нет ни истины, ни веса, ни тепла.

Красота на всех могилах,
лепестки от всех любимых,
всё одно — и все одни,
с тем оттенком тех прожилок
мне уже не поквитаться —
не назвать по имени.
Ты живая или нет?
Может, дождь пойдёт сквозь кожу,
на восток уходят рельсы —
эта ветка смотрит вверх,
целлофановый пакет
взлетает в яблоневый цвет,
что за сад лежит в руинах,
говорит у нас в корнях?
Утро пахнет дымом,
в этом зареве над мигом,
в этой завязи над миром
нет ни яблони, ни тени, ни меня.

***

Дом дождевую чашу передавал по кругу,
с тазика на ограду, с провода на сосну.
Вещи на лодке плыли, люди смотрели в угол,
ангелы песню пели — долгую тишину.

Вот ледяная лейка — летом цветов не жалко,
ржавый секрет бутона, рыбий скелет листа.
Вот ветряная флейта, вот дождевая арфа,
перегорела лампа — пылкая темнота.

Вот она, половина, вот дождевая рана,
чем её ни закрутишь, вскроется до утра.
Люди смотрели мимо, их уже не разбудишь.
Ангелы песню спели — им уходить пора.

Ангелы стали вещи, в дождь им не будет жарко,
в дождь им не страшно лодку ласково раскатать.

Вот ветряная арка, вот дождевая арка.
Мы утонули в лете, можно и промолчать.

***

Она догорает, и падает свет
на чайник, которого нет.
На банку с вареньем, которого нет.
Под стол, которого нет.

Безлюдные вещи украдкой глядят,
не спят или спят и не спят.

Открыто окно, которого нет,
дрожит его тень, и бежит его свет,
а пламя порхает, и тени теней,
и тени, и тени теней...

Вот Пантократор стоит на шкафу,
стоит наверху и исходит в труху —
и держит всё то, что исходит в труху —
и ветер, которого нет,
и пламя, которое с ветром вдвоём,
молнии в доме, а дождь — это дом
выше домов и печальней домов,
кто это — гость или кров?
Держит в тряпице на полке в пыли
всех инвалидов и все корабли,
детский рассказ, и фонарь, и рассвет,
и сердце, которого нет.

Неведомо где называется здесь,
которого нет и которое есть,
ему надоело украсть и бежать
и хочется руки разжать.

Пламя ветшает — пора уходить,
а сердце светает и просится жить,
она догорает, и тени теней,
и тени, и тени теней...

Молнии близко, а дождь далеко.
Скоро луна будет пить молоко.
А пламя порхает, и тени теней,
и тени, и тени теней...

ЁЛКА — МЁРТВАЯ ДЕВУШКА

Подражание всем

*Мороз-воевода дозором обходит владенья
свои.*

Н. А. Некрасов

*...никто не слышал, как полено говорило:
«Я ива, я не ведала родства».*

С. Чегра

Не было ничего нового, никакого повода —
окликнул по именам,
а имена, длинноногие, сразу пустились в пляс,
из близоруких рук не выронил, из дальноруких
глаз —

я сохранил наглядное,
я его выманил, я его перенёс.

Ёлку, мёртвую девушку, уговаривал: говори!
упрашивал: оживи, перейди по брёвнышку,
живи по-нашему, будь без жалости,
нам всё равно не спрятаться, не открыться.

Давай я тебе пожалуюсь, ты мне пожалуйся,
пожалей меня, спаси меня,
полюби меня, деревце-царь-девица,
лесная птица с бледными опадающими иголками,
будь царица
между другими мёртвыми ёлками.
Отвечает ёлка, мёртвая девушка:
обними меня, назови меня.
У меня нет имени, меня нет в племени,
быть мне в пламени после времени.

Ты дал ей всякий вздор,
чтобы связать два слова —
из шёлкового золота наряды,
бумажных самолётиков парады,
сиянье электрической гирлянды,
теперь всё это забери обратно,
давай всё это забери назад,
заставь её заснуть.

Ёлка

Ёлка спит, а вокруг светает,
утром её совершенно уже не станет.
Ёлкин звон кругами идёт, кругами,
ёлкин сон несёт её на родину вверх ногами,
ставит над прорубью в ослепительном наклоненье,
как зданье инопланеты.

Неподвижный путешественник

Фигура белая в снегах
идёт с восторженной рукой
по ниточке береговой,
она идёт и так поёт:
возможно, кто-нибудь убьёт
меня домой, а там покой,
но нет земли, и негде лечь уснуть.

Я спящий, я себя не жду,
я пропадаю на ходу,
моя нога не замечает,
о чём грустит моя рука,
когда пою о чепухе,
она сама и чепуха,
когда пою о красоте,
она и красота,
я точка на краю листа,
я ветер в пустоте.
Скажи, рука! — Рука молчит,
качается, не отвечает,
она сама себе перчатка
и прячет тёплое внутри.
Молчи, рука, не говори.
И тело падает плечами
и рассыпается в крупу.

Сарай

Он тоже сделан из тебя,
но только вывернут наружу,
и очень стар, и что-то слышит,
как будто там поддонные ручки,
подземные рассказы, разговоры.
Смотри, не превратиться бы в него.
Вблизи сарая страшен каждый шорох...
Внутри него... от малого окна
осталось то, что потеряло разум,
и он теперь пытается вернуться,
куда бы ты глаза ни отводил.
Сарай на птичьих лапках смотрит в дверь,
видна его душа, и как теперь
прощанье отличить от возвращенья?

Мёртвая кошка

Все кошки кошие, все кошки хорошие,
а это мёртвая кошка, эта вот кошка мёртвая,
она говорит спасибо, лежит красиво.
И только око фотообъектива
глядит и видит эту кошку
и до и после самого конца,
а зрячий глаз отказывается,
открещивается от кошкопоявленья.
У факта кошки в опыте лица
застыла кровь, и кошка улыбается.

Не говори со мной, я не могу понять,
я обхожу свои владенья.
Сарай и берег с северо-забора,
гора с горой зеркальным коридором —
рукой подать, одной рукой поднять,
и я нужна, иначе как узнать,
что ёлка, мёртвая царица,
заходит в гору без корней,
что ёлка поднимается в лучах
известной мне пятиконечной боли,
что мы друг другу, глаз не открывая,
спиной к спине шлём мысленные письма
и читаем —
и слышим: боль уходит.

ВТОРЖЕНИЕ

От вещи к вещи, от огня к огню
возможен переход сквозь темноту,
но путь до выключателя опасен.

Предметы превращаются в существ,
невидимое днём безвидно ночью,
их контуры — всеильное молчанье,
присутствие, прямой безглазый взгляд.
И вроде правды нет, один обман —
ошибка, ересь, там должно быть платье...
Но разум видит без опоры зренья
всех этих наблюдателей ночных,
не злых, не сострадательных — живых.

Дойти до выключателя — чума,
бессилье рассыпаемого тела,
пустыня, яд, удушье, а потом
рука не может тронуть выключатель.
Бессильная, прозрачная, насквозь,
насквозь, насквозь, и триста раз подряд,
и триста лет включаешь и включаешь,
включаешь и включаешь темноту.

Магнитофон, не включенный в розетку,
играет ад. Не смерть, её здесь нет,
не катастрофа, не преображение,
не то, что я живу, что я умру,
не то, что я, а то, что я не я.
Моя рука неправда. Я неправда.

Нас много, заблудившихся детей
в присутствии безглазых силуэтов,
загнавших нас в приют на одного,
где нет других людей, но есть другое,
как будто наши души испарились,
а через пять минут вернулись как обратно,
но разве это были пять минут?
И нет нигде ни музыки, ни звука,
ни памяти о том, что он возможен,
и всё, что ты тогда запоминаешь, —
ты это забываешь навсегда.

Одно: «Проснись, проснись». Но я не сплю.
И всё равно, тем более проснись.
Мне нужно пробуждение от яви.

Меня здесь нет, но это нет — не нет,
и это здесь не есть, и я не я,
но кто-то, что-то. Я полуживое,
похожее на эмбрион
с врождёнными пороками развития.
В нём трещины, он жив, ему темно.
Я видима, ясна, не спасена.
Дойти до выключателя — война,
сто раз ползти и триста лет пути,
но если нетелесная рука
в тюрьме, в борьбе, в необратимом страхе
сумеет электричество включить —
она вернётся в солнце, и светила,
и в атомы, и в горы, и в печаль.

НЕКУ

Сердце взрослеет, мне его не понять.
— Неку, Неку! — невидимую собаку звала
темнота гулять.
Месяц, ветер, ветошь и западня.
Господи, как высоко ты поднял меня.

Некто под кожей рвёт шерстяной слой.
— Неку, Неку! — отрубленную собаку
зовут отрубленной, но домой.
Пусть половиной, пусть одинокой ногой ползти,
— Неку, Неку... — но реку, реку не перейти.

Телу вскрывает плоть его костяная мать.
Необитаемую собаку несёт туман.
Не перейти реку.
Видно, жила не так.
Всё тишина. Не о чем промолчать.

***

Рожа наружу, внутри никого,
вот он, юрод на ходулях, сшит он
из кровотокащей телячьей кожи,
это идёт моё право мычать и право качаться
налево, вправо,
вземь, вниз, из.

Занавески. Они шевелятся,
рассвет наружу, внутри никого,
никого не лезет в окно,
занавески кружатся и крошатся,
в них осыпается шелуха, отпадает извёстка.
Занавески стоят стеной,
за ними стоит иное.
Душа моя умерла вчера от потери гноя,
и странно, что я могу ещё слышать голос,
не слишком ли много мне слышать ещё и гром?

Два раза поочередно видела я весну —
видела две весны за одну весну.

Сперва мать-и-мачеха выцвела, вылезла на зелёной коже
ясных холмов,
сыпью вылезла ненависть твоя из меня, усеяла меня всю.
Безобразие к безобразию тянется,
одуванчики к мать-и-мачехе тянутся,
а мне не к лицу.
По длинному дивному лику живых полей я убегала,
впереди холодный ветер летел,
сзади чёрный пастух погонял,
и не увижу больше траву на твоих полях,
зелёных ран, зелёных окраин города твоего.
Поднимаю щит.
Заново рождается, птенцом пищит вторая весна,
весенней Летой текут и текут
гнилые листья, из прошлого года брошенные,
как усыпленные собаки лапой дёргают чуть-чуть, проститься.

Звон наружу, внутри никто
не наберёт покоя среди морей,
не найдёт омыться места среди икон,
в целлофановом пакете где бежать?
В глиняной палате шар лежит,
не лечится, у него не жар,
а холод и страх дышать.
Разве может быть шар из двоих, шар из троих,
разве может земной шар,
когда сейчас мою хрустальную девочку молотком,
молотком,
когда мою тёплую девочку кипятком,
девочку по лицу,
когда работа жизни подходит к концу?

Сквозь меня прорастают тысячи происшествий,
все наружу — внутри не хватает места.
Ты на дерево влез,
а сидеть там придётся брату,
если брат упадёт,
то тебе и быть виновату.
Переменяясь, перемещаетесь,
совмещаясь, не повстречаетесь —
вы в одном больше не помещаетесь!

Шар из троих по-другому щурится, шарится,
вся земля на меня скалится,
каждая яма в меня валится.
Среди меня никто не живёт,
не сердись, будь остаток со мной,
а с лица мне воды не пить —
до конца, без конца
пить кровь с блюда твоего лица,
с блюда твоего лица кровь
целовать, примерзая губами.
На осторожном плоту
мы поплывём вверх ногами.

Всё становится твёрдым,
нам не успеть отсюда родиться,
станем старцами,
нерождёнными близнецами,
лица в трещинах,
трещины в наших лицах, сусальным
золотом покроются руки.
Сиамские — потому что в разлуке.

Так убийца с убитым снова срастаются под землёю,
так приходит смерть сама за собою,
так смыкается одиночество в лиственную аркаду,
так сердца получают в дар безвыходную ограду,
так мы дотрагиваемся,
дотягиваемся
до счастья и до несчастья.
Мы внутри, мы снаружи —
некуда прекращаться.

ДА

Оно говорит: мразь.
Я говорю: да.
Оно говорит: боль.
Я говорю: да.
Оно говорит: страх.
Я говорю: да!
Оно говорит: смерть.
Я говорю: да!
Оно говорит: смерть!
Я говорю: да, да!
Оно замолкает и начинает думать.
Я говорю: да.
Оно прекращает думать.

ТРАВА НЕ СПИТ

Трава не спит, не умеет расслабляться.
играет в прятки, тыкается в пятки
и пламя человека, во весь рост
над нею восходящего из тени,
от тени не умеет отличить.
И человек колеблется и гаснет
и в свой черёд не может отличить,
что остывает под его ногами:
живая или мёртвая вода
застыла, окоlesiцу творила,
по нитке поднималась в облака,
в воздушной лодке по небу плыла
и нас упоминала, как могла.

Двойные звёзды, северная ночь
никто не проводник, не проповедник
и ничего не будет до небес —
для нас ещё не выписан рецепт,
туда ещё корабль не отправляют.
В лесу произрастают фонари.
Под фонарями мусор, обретая
частичный разум, так и говорит:
вглядитесь в нас — отверженный с любимым
имеет много сходства.
В многом знанье много отраженья...
Во многом знанье нас и закопали.
Мы ваш любимый мусор, — отнесите
без должного пренебреженья.

Блаженная в потёмках прорастёт —
трава не спит, шумит и существует.
Люблю, люблю — когда я повторяю
любовь, то понимаю, что её
нельзя ни повторять, ни продолжать,
а только приближаться и теряться,
терять сознание, оттого что близко,
и разум, оттого что далеко.
И листья прошлой осени шуршат
так тихо, что об этом можно думать.
А я вверху как облако стою.
Кусаю пальцы — боль не происходит.
Кидаюсь вниз — воздушная волна
выносит, будто линия простилась
и контуры уходят на войну,
безликие фигуры покидая.

Душа уходит.
Тяжело держать глаза открытыми.
Двух слов единственный силуэт,
Скамья плывёт по реке.

ВОЗДУХ

Что у тебя останется от меня?
Что от меня останется без тебя?
Воздухом стану, воздухом — без гнилья,
без седины, без паузы. Всех обнять —
воздухом стану — в пёрышки птицам дуть.
В небе круговорот не скажу какой.

Можно любой дорогой — тропой, рекой —
обе они похожи на обморок и на путь.
Вот самолёт летит не скажу когда,
может, завтра, может, позавчера.
Я ни его, ни даже малого комара
не удержу, не выдержу до утра.
Вот синева домов, нагота платформ.
Толстая женщина, девочка с рюкзаком.
Как их утешить, что им пообещать?
Воздухом стану, чтобы не закричать.
Рек предзакатных розовое кино —
воздухом стану, чтобы не искажать.
Не прерываться, даже когда темно.
И никогда не падать, и ничего не ждать.
Так, заполняя каждую пустоту,
запоминая птицу, сквозняк, обвал...
Может, моя тропинка по Иркуту
то же, что твой проклятый речной вокзал.
Это освобождает, выводит вне.
Воздухом я никого не смогу убить.
Может быть, будет доля моя в огне,
но разводить огонь — чудеса других.
Огонь упадёт, уступит, не примет бой.
Воздухом стану, хриплым и ледяным.
Свет отступает — я всё равно с тобой.
Свет вероятен — воздух незаменим.
Землетрясения, молнии, миражи —
это дела других, чудеса чужих,
пусть успевают жить, успевают лгать.
Воздухом стану, чтобы не напугать.

Нужен только предлог, чтоб меня нашли,
перекрывая заводи облаков,
невыразимо огромные звёздные корабли,
каждый на полземли, как моя любовь.
Горе, чужое горе — не пожелеть.
Чудо, чужое чудо — не пожалать.
Чем мне дышать, зачем мне вообще дышать —
в воздухе будут люди летать и петь.
Их испытать, их выдержать. И понять,
что без меня останется от меня —
старые-малые, тихие острова —
звери-слова, цветы-слова и следы-слова,
ровные, чёткие, чёрные, без огня,
как сквозь холодный воздух, видные сквозь меня.

НОЧЬ-РЕКА

Сейчас-сейчас, и горе отболит, и сердце отобьётся,
отживёт и отомрёт.
Просыпаюсь, если ты захочешь что-то мне сказать.
Умная бессмертная пустыня дожидается меня
со всех сторон.
Я жива, больна, устала, на скамейке как на паперти сижу.
Мы зовём друг друга, мы друг друга знаем, вспоминаем,
как враги, как враги,
как враги из заповедника, до памяти, до ямы, от и до.
На двери висит замок, а в переулочке черёмуха стоит,
как цветущий материк, идёт в калитку, набегаёт
на забор,

а другая догорает за обрывом под откосом на реке,
сумасшедшее и ласковое пламя наплывает на закат.
Как я счастлива сейчас, как никогда, как никогда-то,
как давно.

Грубый свет не сохранится, и внутри не затаится ничего.
Я сердечки вырезаю из картона, помещаю их в живое
существо,
острых ножниц уголками заправляю их в кармашек
вперед,
залепляю лейкопластырем оставшуюся дырку на груди.

Снова вижу это небо, так чего теперь терпеть,
чего желать.

Дом подпрыгнет и повиснет — я спасибо говорю
тому, чему, кому, кого нельзя назвать.
Я не буду ждать возврата, ждать восхода,
перехода сквозь просвет.
Если дрогнешь, то утопнешь, если прыгнешь —
разобьёшься, полетишь.

Кто-то пляшет в одиночку вдалеке перед грозой
на чердаке,
держит в небе самолёты, даже спички помогает зажигать,
кто-то нам приносит письма, покидает, оставляет на столе
или старые открытки о чужой незабываемой земле.
Слишком много было горя, только сердца было больше
всё равно,
и куда ты отвернёшься, если я к тебе иду со всех сторон,
и откуда ты вернёшься, если ты всегда стоишь
передо мной.

Голос с примесью прощанья, песня с нотой возвращенья,
от того, что мы такие, нам уже не исцелиться, но прошу —
исцели.

Заколочено свеченье; из тюремного подвала я смогу
просить прощенья у земли.
Здесь, как в детской, всё предел и всё преображенье,
одинокое течение сквозняка.
Догорающий корабль человека забирает ночь-река.

В темноте не видно неба, облака не отвечают голосам,
но для нас они огромны, но для нас они подобны парусам.

ПРОСТАЯ ПЕСНЯ

Сквозь сияние цветенья,
раскрываясь, как растенье,
появляясь, распдаясь,
я течение ловлю.
Ни за что не оправдаюсь,
ни за что не отступлю.

Разрываясь, как растенье —
будь что будет — разлетаясь,
помолчи, из слёз и страха
механизм, угомонись:
это ясное свеченье
золотое, просыпаясь,
говорит над горстью праха:
«Вот и я. Коснусь. Проснись».

Сквозь сверканье сирени,
сквозь смеркание свирели,
сквозь сплошную оболочку
открывается гроза:
я иду не в одиночку,
если б ты не ставил точку,
я б ни слова не сказал

на чудовищном, невнятном,
незабвенном, безвозвратном,
партизанском языке,
убегающе понятном,
как рисунок на песке.

Моего тут — лишь помарка
на полях пустого парка,
там, где яблони застыли
под ладонями дождя:
я не более, чем ты, не
ты ли более, чем я?

Сквозь цветение сиянья,
сквозь обман непониманья
пробивается ответ —
так неслышно, так неявно:
мир не более чем яд, но
яд — не более чем свет.

***

Жить в людви, как мак возле мелких рек,
как бездомный лес, приключень-ковчег,
как еловый бог, как кедровый бес —
не идут сюда, не берут к себе.
Жить в людви, как семечки на крыльце,
как волна заката в моём кольце,
как прозрачный лист, ожиданьем пьян,
в воздухе тонул, падал в океан.
Жить в людви, как прыгает в высоту
глиняная пыль, перелётный Пта.
Наперегонки у дорог растут
людики, созвездия, города,
об одном глазу — золотом окне,
об одном крыле, об одном огне,
пополам в земле, пополам в крови,
жить в людви, просить у людви любви.
Отпусти с руки одолень-ладонь,
лодкой уплывёт, только волю дай,
по реке Людень уплывёт в Ильмень,
по реке Людонь уплывёт в Китай,
как прозрачный лист, во людоль плывёт,
во людаль.

ЧЁРНОЕ СЕРДЦЕ

Чёрное сердце, простое чёрствое сердце
ломано вместо хлеба.
Птицы клевали, рвали.
От крыльев ветер поднялся в небо.

Чёрное сердце, смешное драное сердце
было в собаке, ныло в собаке, выло.
Съело отраву, цепь оборвало,
хвостом вильнуло.
Чёрное сердце легло в канаву — а не пропало,
легло в могилу — не отдохнуло.

Чёрное сердце, родное чёртово сердце —
Чёрное море: волны, пивные банки.
Было неволей, было пиратской бандой,
было добычей, данью. Весёлой далью.

Чёрное сердце, простое чёрное сердце —
громом, молнией, бегом, пустыней, стаей —
чёрным осталось. Не стало белым. Но, кажется,
стало сердцем.
Тут его и не стало.

***

Малина убежала на дорогу.
Она свою условную тюрьму
переросла и вот стоит, волнуясь,
как лес-подросток, на пути у ветра.
И жёлтая игрушечная лейка
со всех сторон малиной заросла;
никто своей потери не коснётся,
никто свою утрату не найдёт,
пока к ней не придёт преображенье.

А земляника убежала в лес.
Молчала. Измельчала, одичала.
Таиться ей, аукаться с травой,
пока к ней не придёт преображенье.

Бежит ручей по глиняной дороге —
смешалась дождевая с ключевой
и прорезает фьорды. Всё туман.
Сквозь дождь запахло дымом, а сквозь дом
цветёт ромашка, пробегаетмышь.
Легла на землю старая ограда —
смотреть ей вниз, на глубину земли,
пока к ней не придёт преображенье.

И весь состав чудесного раствора,
все компоненты, спелись и сплелись,
срослись, переоделись, помешались,
и друг от друга нас не оторвать,
пока к нам не придёт преображенье.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Тысячу раз мы шлялись через тень на плетень,
в мыслях менялись по тысячу раз в день,
менялись одеждой, но так и не стал похож
друг на друга, родней не сделались ни на грош,
менялись лицами и понимали: врешь,
вот как лицо моё на тебе смеркается

и прощается —

так оно отражает то, что в нас возвращается.
Дышит. Молчит. Не просит даже воды.

Весть его разлетается на молекулы пустоты
в моём дырявом кармане. Так всегда и бывает.
А вода ключевая быстрым светом стекает с горы,
сверкает.

Она такая. Мы не такие. Так всегда и бывает.

Отражённые всеми несчастьями,
сожжённые в мыслях тысячу раз,
степью бесплодной, болотами мы возвращаемся —
есть ли хоть кто-нибудь среди нас,
кто, места эти вспомнив, родиной не зовёт,
знает, что делает, кем он сюда идёт?
Помнит: всё, что я выучил, всё, что перечитал,
всё, что перешептал в одиночестве по ночам,
то, что перекричал и перемолчал —
только это будет моим мечом,
будет моим, непокорным другим мечам —
я его от рождения намечтал,
я его до рождения намечал,

всё, что вымучил, всё, что перечеркнул,
станет моим — я пойму его, я возьму.
Не для защиты и не для казни, не для войны
мы таким безоружьем вооружены.
Где же те, кого я разоружил, через кого
я перешагнул?

Тысячу раз умер, тысячу раз жив,
в памяти или вне, где бы вы не — а всё равно
каждый из нас в каждом из нас тонул.
Значит, мы вместе — каждый из нас пропал,
до сих пор ждёт, кто бы его вернул.

Тысячу меток раньше, тысячу слов спустя
всё-таки возвращаемся — и поём.
Тысячу лет желавшие бытия,
тысячу раз сожжённые бытиём,
мы поём, а потом орём, и опять вопим и поём,
а потом парим! а потом горим!
а потом поток, потоп, а потом — потом!
А потом опять возвращаемся и поём:
спасибо тебе, спасибо, спаси, спаси.
И пусть я даже себя не могу спасти,
а сам ещё собираюсь других спасать,
не перестану за это благодарить —
за горе, ужас, свободу и благодать,
и, кроме них, нечего мне желать,
хотя зачем же я буду сейчас просить,
когда у меня так много сейчас отдать.

Пока меня так много — я могу говорить:
не зря я болел молчаньем целую жизнь,
не зря душа разрушалась долгою смертью,
пока говорю — могу на тебя смотреть.
Не зря это продолжалось тысячу лет.
Не зря мы есть, и не зря нас нет, но приходит свет,
и мы со скоростью света жили — так времена идут.
Я не хочу сказать, что мы уходили
и приходили. Мы были тут.
И поныне тут.

СОДЕРЖАНИЕ

ВЕТЕР

Шрам.....	9
«Я бежала с радости, как из пропасти...»	10
Голуби	11
Как зола	14
Ветер	15
«за стеной стена...»	17
Сёстры Магдалены	19
Трещины	23
Под защитой одиночества.....	24
Отпавший лист	26
«Река Каторжанка впадает в реку Больницу...».....	27
Вещи.....	28
Гора	31
«Огненный цербер — кто-то идёт курить...»	33
О вечном холоде и вечном огне	36
«О, бедным путём, походным, затопленным...»	37
«У каждого больного над головой...»	38
Маленький мамонт	39
Девочка	40
Возраст пневы	41
Солнечный43	41
«Бессмысленно: лепесток...».....	46

ОЙКУМЕНА

«...ходит по ночам, ищет...».....	49
«Призываю на погляденье...».....	50
«...король её, улыбаясь, находит...».....	51
«Цинне-ваа! Гильдия птиц, как дым...».....	52
Колыбельная	52
Зелёная ручка	54
Там лошадь	55
Жизнь потерянная и возвращённая (Цыганский романс?) ..	56
Невидимый зверушка.....	58
Рыженькая	60
Деревянный домовёныш.....	61
Большая медведиха	62
Малая медведиха	65
Стеклянная медведиха	66
«Головокружительные реки...»	68
Ойкумена	71
«Чем отвечу нарастающим кувшинкам...».....	71
Маяк	73
Зелёная молитва тебе.....	75
«Одни из малых сих, глухие...»	77
Праберега	78
Кохау-ронго-ронго жука-древоточца	79
Лосиха на камне	80
Сердце полдня.....	82

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Мы, трава.....	87
«Тюлень мой господин, а рыба детский врач...».....	89
«Не угадаешь по сердцебиенью...».....	91
«Тупая косточка там, где больно...».....	92
Инанна.....	93
Когде.....	95
Ночью яблоня. Повторение.....	96
«Дом дождевую чашу...».....	98
«Она догорает, и падает свет...».....	98
Ёлка — мёртвая девушка. Подражание всем.....	100
Вторжение.....	104
Неку.....	106
«Рожа наружу, внутри никого...».....	107
Да.....	110
Трава не спит.....	111
Воздух.....	112
Ночь-река.....	114
Простая песня.....	116
«Жить в людвиге, как мак возле мелких рек...».....	118
Чёрное сердце.....	119
«Малина убежала на дорогу...».....	120
Возвращение.....	121

Литературно-художественное издание

Екатерина Геннадьевна Боярских
ЖЕНЩИНА ИЗ КИМЕЯ

Редактор

Лариса Спиридонова

Художественный редактор

Валерий Калныньш

Корректор

Ирина Машковская

Вёрстка

Наталья Маланина

Подписано в печать 15.09.2009
Формат 70x108 /₃₂. Усл. печ. 5,6.
Бумага писчая.
Тираж 1000 экз. Заказ №.

«Время»
115326 Москва ул. Пятницкая, 25
Телефон (495) 951 5568
<http://books.vremya.ru>
e-mail: letter@books.vremya.ru

Отпечатано
в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»
620041, ГСП-148, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13
<http://www.uralprint.ru> e-mail: book@uralprint.ru